

**О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ
ЛИТОВСКИМ И МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ XVI в.
В СВЕТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ**

Воробьев Павел Анатольевич

Республиканский институт высшей школы (г. Минск, Беларусь)

Статья посвящена вопросу использования религиозной риторики и участия православных Церквей (духовенства и мирян) во взаимоотношениях между Великим княжеством Литовским и Московской державы. Данное исследование, основанное на наблюдениях А. И. Филюшкина и Х. Грали и выполненное через призму византийского идеала симфонии властей, показывает, что в XVI в. правители обоих государств пользовались поддержкой православного местного духовенства и православной политической элиты (мирян), несмотря на принадлежность великих князей литовских к католицизму. В истории двух государств присутствуют черты частичной симфонии.

Принцип симфонии властей («священства и царства») как идеальная модель государственно-церковных отношений зафиксирован в преамбуле к шестой новелле «Кодекса» византийского императора Юстиниана (529 г.). Симфония подразумевала как разделение духовной и светской властей, так и их сотрудничество [1, с. 136]. Она призывала Церковь и государство к согласию для достижения духовного и земного благополучия православных подданных

Византийской империи [2, с. 20–21]. Но так как любой идеал недостижим, вполне уместно говорить о частичной симфонии.

В Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) и Московском государстве XVI в. она проявлялась в поддержке православным духовенством и мирянами внешнеполитических действий того монарха, чьими подданными они являлись. Поэтому в данном случае мы изучаем не столько религию, сколько православно-социальные подходы того времени. В рамках мотивации собственных внешнеполитических акций московская дипломатия активно применяла идеологемы православного оттенка. При этом она не была чрезмерна зависима от церковных интересов – в ее действиях преобладал прагматизм. Священство Московской митрополии редко вмешивалось в дипломатическую политику своего государства. Хотя в рамках официальных контактов Москвы с ВКЛ российское духовенство все же принимало участие [3, с. 147–149]. В сравнении с ним, православное священство ВКЛ (Киевской митрополии) в межгосударственных контактах с Москвой выполняло более активную и внушительную роль [4, с. 27, 42].

Участие российского духовенства на западном направлении внешней политики Москвы преимущественно касалось военной сферы. В частности, оно проявлялось в епископских посланиях, содержащих благословение «на брань» в поддержку московского монарха и армии. Одно из таких посланий касалось взятия Иваном IV Полоцка в 1563 г. Нападение на древнейший белорусский город, тогда принадлежавший ВКЛ, московская дипломатия обосновывала, в том числе, идеей соблюдения чистоты христианства, то есть защиты православия. Но более массовой формой участия российского духовенства в войнах своего монарха являлось проведение церковных ритуалов, например, посвящения новых храмов святым, в день памяти которых московской армии удалось взять тот или иной город [3, с. 150–151, 166]. В обосновании войны против уклонившихся в протестантизм Ливонии и ВКЛ использовались и отсылки к примеру византийских царей, боровшихся с еретиками [3, с. 162, 165–166]. Действительно, один только римский император Феодосий I издал 17 законов против ересей [2, с. 19].

Все завоеванные территории, независимо от вероисповедания их населения, московской дипломатической службой провозглашались как порученные Богом. Одновременно с этим не только в Москве, но и в Вильно во взаимных вооруженных конфликтах именно себя считали правой стороной, орудием Божией справедливости [3, с. 153–154, 157–159]. В ВКЛ рассчитывали на содействие московского митрополита в деле примирения двух христианских монархов. Известно несколько случаев, когда от имени панов-рады ВКЛ к главе Московской митрополии отправлялись послания, и наоборот. Но в феврале 1555 г. московский митрополит Макарий отказал православному литовскому послу Юрию Тышкевичу в его просьбе о подобном содействии, заявив, что он (владыка) богомолен, а политические вопросы не являются его делом [3, с. 148–149]. Интересно, что сановники ВКЛ, независимо от личной конфессиональной принадлежности, с целью убедить московскую сторону в своей искренности, весьма охотно проводили совместные переговоры в алтаре православных храмов. В них участвовал и киевский митрополит Сильвестр (Белькевич) [4, с. 31–32].

Дипломаты ВКЛ также прибегали к риторике православного оттенка, однако у московских контрагентов она была более продуманной и содержательной. В то

же время набор религиозных цитат у обеих сторон в дипломатической переписке был схожим [3, с. 157, 164, 166]. Примирительный тон дипломатов ВКЛ, зачастую среди которых были православные, в условиях конфликта между Сигизмундом II и Иваном IV довольно часто подкреплялся аргументом общности веры. Сами монархи не сомневались во взаимной принадлежности к христианству [3, с. 166]. Они помнили и о родстве Ягеллонов с Рюриковичами [3, с. 170; 4, с. 30].

В целом, как отмечает А. И. Филюшкин, политическая культура Московского государства XVI в. базировалась не на юридических, а на христианско-этических категориях «братства», «недружбы» и так далее, не всегда понятных для современного человека. За религиозными мотивационными лозунгами московской дипломатии в реальной жизни стоял довольно высокий уровень веротерпимости [3, с. 167, 172, 174]. В свою очередь, православная элита ВКЛ при активной поддержке иерархов православной Киевской митрополии позиционировала себя с Ягеллонской монархией. Православные светские сановники из числа пановрады считали своим священным долгом защищать границы ВКЛ от московских нападений. В период бескорольевья 1570-х гг. в Речи Посполитой московская кандидатура на польско-литовский престол нашла основную массу своих приверженцев не в кругу православной шляхты ВКЛ, а среди местных протестантских сановников, польской (католической и протестантской) шляхты и даже католических иерархов [4, с. 25–26, 36–37]. На счет московской кандидатуры православное духовенство ВКЛ и вовсе не отреагировало. То есть конфессиональная принадлежность претендента не являлась главным критерием даже для местного епископата. Архиереи Киевской митрополии наверняка помнили, что захват московскими войсками земель ВКЛ обычно влек за собой смену местных владык на «чужих» [4, с. 39–40, 42]. А прагматизм — черта дипломатии обеих сторон.

В Московском государстве православная митрополия пользовалась всецелой поддержкой. В данном случае есть больше оснований, чем в случае с ВКЛ, чтобы говорить о реализации византийской симфонии властей. Но ее элементы мы видим и в отношении православных жителей ВКЛ до подписания Брестской унии 1596 г., усугубившей положение православных и многих из них сблизившей с Москвой. В ВКЛ правовые привилегии принадлежали католикам. Но в реальной жизни православным был открыт доступ в высшие правительственные круги [4, с. 30], да и в Сенате Речи Посполитой православная шляхта имела значительное влияние [5, р. 47]. В заключение отметим, что последние Ягеллоны, будучи католиками, позволяли себе совершение таких символических жестов в адрес своих православных подданных, как посещение православных храмов и участие в литургии [4, с. 28–29]. В этом также есть проявление симфонии.

Литература

1. Лагунов, А. А. Симфония властей: недостижимая реальность идеала / А. А. Лагунов // Христианское чтение. – 2020. – № 2. – С. 134–142.
2. Костогрызова, Л. Ю. Эволюция церковно-государственных отношений в Византии в законодательстве императоров IV – начала X вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. Ю. Костогрызова. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2007. – 28 с.
3. Филюшкин, А. И. Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или прагматизм? / А. И. Филюшкин // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – 2010. – Band 76. – S. 145–179.

4. Граля, Х. «Русская вера»: точка соприкосновения или поле конфликта между элитами Польско-Литовской монархии и Российского государства в XVI – первой половине XVII в. / Х. Граля // *Polonia. Исследования о Польше и поляках* [Текст]: сб. науч. ст. Т. I / Ред. А.И. Селицкий. – Краснодар: Новация, 2018. – 400 с. – С. 24–60.

5. Mironowicz, A. Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th – 18th Century / A. Mironowicz // *Białostockie Teki Historyczne*. – 2016. – Т. 14. – Р. 41–60.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова